

полагают также, что Ф. Энгельс в своей известной статье, посвященной происхождению человека, уже сформулировал положение о том, что рука в своем развитии опережала нижнюю конечность в процессе антропогенеза. Однако, помимо несколько произвольного толкования мыслей Ф. Энгельса, сама фактическая часть аргументации И. Ву и Л. Чиа не может считаться бесспорной. Авторы явно недооценивают выраженность примитивных особенностей в строении верхних конечностей синантропа; если учесть широтно-длиннотные пропорции полудунной кости запястья, то при крайне малочисленном материале разница в степени примитивности верхних и нижних конечностей станет не очень отчетливой. Вопрос требует, таким образом, дальнейшего исследования.

Неандертальцы. По мнению И. Ву, к неандертальскому виду могут быть отнесены находки, сделанные около деревни Тингсун (провинция Шаньси) в 1954 г. и в районе реки Шара-усу-гол (правый приток Хуанхэ) в 1922 г.⁴ В Тингсуне найдены первый и второй верхние правые резцы и один второй нижний правый моляр, принадлежавшие индивидууму в возрасте 12—13 лет; в Шара-усу-голе — второй левый верхний резец ребенка 7—8-летнего возраста. Определение их видовой принадлежности в пределах семейства гоминид не может считаться окончательным. Сам И. Ву указывает на то, что они найдены с фауной позднелайстоценового возраста. Бесспорные морфологические доказательства их принадлежности представителям неандертальского вида также отсутствуют. Наличие бугорков на внутренней поверхности резцов не может считаться таким доказательством, так как в единичных случаях они встречаются и у современного человека. Следовательно, перечисленные остатки, как и известная находка в Хонань, не снимают окончательно сомнений в существовании человека неандертальского вида на территории современного Китая.

Верхний палеолит. Череп, найденный в районе Тцзянк (провинция Чжэцзян) в 1954 г. при прокладке железной дороги, по-видимому, принадлежит женщине зрелого возраста. К сожалению, лицевые кости не сохранились за исключением альвеолярного отростка верхней челюсти. Основываясь на лопатообразной форме резцов и наличии предносовых ямок, И. Ву сближает этот череп с мужским черепом из верхней пещеры Чжоу-коу-тянь⁵. Последний, по мнению И. Ву, принадлежал древнему представителю монголоидной расы. Выше уже указывалось, что лопатообразная форма резцов не является таксономически важным признаком. Строение нижнего края грушевидного отверстия также не может рассцениваться как особенность, достаточная для установления специфического сходства двух черепов при отсутствии других доказательств их морфологической близости. Таким образом, расовый тип черепа из Тцзянка остается не определенным.

Перечисленные находки скорее ставят ряд новых вопросов, чем дают ответ на старые. Решение этих вопросов — дело будущих исследований и дальнейшего накопления материала. Однако авторы рецензируемых работ уже сейчас предлагают ряд оригинальных и плодотворных, хотя и не бесспорных точек зрения, заслуживающих широкого обсуждения. Именно поэтому к этим работам должно быть привлечено внимание не только антропологов и анатомов, но и специалистов смежных дисциплин — в первую очередь историков первобытного общества и археологов.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

О. А. Кривцова - Гракова. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы*. «Материалы и исследования по археологии СССР», 46, М., 1955, 160 стр.

Институт истории материальной культуры АН СССР выпустил книгу, вызывающую интерес не только у археологов, но и у ученых других специальностей. В частности географы и геоботаники могли бы из нее почерпнуть сведения о жизни человека той эпохи и о том влиянии, которое он оказывал на окружающую его природу.

Однако при детальном знакомстве с этой книгой становится ясным, что характеристики естественно-природной обстановки, в которой жили люди ямной и срубной культуры, почти не дается. Недостаток сведений о природной обстановке эпохи бронзы позволяет автору делать, на наш взгляд, подчас неверные выводы относительно гео-

⁴ E. Licent, T. de Chardin, D. Black, On a presumably Pleistocene human tooth from the Sjara-osso-gol (South-Eastern Ordos) Deposits, «Bull. of the Geological Society of China», т. 5, Peking, 1926.

⁵ F. Weidenreich, On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia, «Peking Natural History Bulletin», т. 13, Peking, 1939.

графии распространения изучаемых им срубной, ямной и катакомбной культур. Занимаясь изучением погребений этих культур, О. А. Кривцова-Гракова в своей последней работе так же, как и в предыдущих и даже в статье «Бронзовый век», написанной совместно с М. И. Артамоновым для БСЭ (т. 6, 1951), ни разу не попыталась проанализировать, насколько эти культуры были обусловлены природной обстановкой степной зоны.

В III тысячелетии до н. э., по словам О. А. Кривцовой-Граковой, «все степное пространство (разрядка наша.— А. С.), начиная от Нижнего Днестра вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья, было занято племенами ямной культуры» (стр. 11), в погребениях которой находят остатки крыш и накатников из толстых бревен и плах (стр. 14—15). Между тем это время, соответствующее среднему и позднему голоцену, по мнению лучшего знатока этого периода М. И. Нейштадта (работы 1953, 1955 гг.), характеризуется уже ясно выраженной зональностью растительного покрова. При этом подзона широколиственных лесов, по данным спорово-пыльцевых анализов, охватывала не только подзону современных дубовых лесов, но и лежащую к югу от нее подзону луговых степей, т. е. всю лесостепь. Частично дубовые леса заходили также по водоразделам и в подзону северных степей. Существенных изменений в границах между лесостепью и степью за время, протекавшее с позднего голоцена, не произошло. Поэтому можно считать, что ландшафты этих районов были близки к современному. Но несомненно, что лесостепь была больше облесена, чем теперь, и что местами леса покрывали пространства, безлесные в настоящее время, о лесном прошлом которых можно судить по почвенным данным. Указания археологов о нахождении срубных погребений в лесостепной зоне являются очень ценным материалом, подтверждающим почвенные данные и данные спорово-пыльцевого анализа. К работе О. А. Кривцовой-Граковой приложена карта распространения памятников ямной и срубной культур, в которых имеются сооружения из бревен и плах. Автор не дает однако анализа географической обстановки, в которой жили люди, оставившие нам эти могильники. Сопоставление карты О. А. Кривцовой-Граковой с картами растительности и с зональными схемами в работах М. И. Нейштадта показывает, что большинство памятников ямной и срубной культур между Днестром и Доном, а также в Приволжье было приурочено или к подзоне широколиственных лесов или к подзоне луговых степей. По данным раскопок, приводимым О. А. Кривцовой-Граковой, видно, что во всех могильниках срубной культуры сооружались срубы из больших дубовых бревен и деревянных плах («крыша в виде накатника из круглых и толстых бревен и иные покрытия, например из плах», «следы деревянного покрытия... в виде накатника из толстых бревен, или плах», «совершенно отнесенные стенки сверху были покрыты восьмью толстыми дубовыми бревнами... пол был устлан досками; вдоль стен также лежали бревна (1 дубовое, а 3 ивовых) в виде венца, образуя сруб» и т. д.).

Сооружение таких срубов позволяет судить о степени развития строительной техники жилищ и землянок у племен, населявших эти районы. Все это подтверждает мнение о том, что срубная культура — не степная, а лесная, что возникла она в местах, где леса было много и рубка деревьев не представляла больших трудностей. Это же подтверждается мнением П. Д. Рац и И. В. Силицына, которые, по словам О. А. Кривцовой-Граковой, считали, что в Нижнем Поволжье «погребения в срубах являются скорее исключением, чем правилом» (стр. 18). Это совершенно справедливо, так как в Нижнем Поволжье в эпоху позднего и среднего голоцена леса были распространены (так же, как и теперь) только в долинах рек и, следовательно, древесина являлась дефицитным материалом.

Следует заметить, что это простое объяснение характера распространения срубных могильников не нашло отражения в работе О. А. Кривцовой-Граковой, хотя она близко подошла к нему, заметив, что обычай хоронить покойников в катакомбах проник на запад «из более южных степей Прикаспия и левобережья Нижнего Дона» (стр. 17). Последнее объясняется тем, что степи Нижнего Дона и Прикаспия всегда были безлесными, и поэтому там не могло возникнуть обычая хоронить покойников в деревянных срубах. Что же касается того, что имеются более южные местоположения срубных захоронений (побережье Азовского моря и Донецкий край), то следует учесть, что леса здесь, как и в настоящее время, могли существовать по долинам рек, причем балки и речные долины Донецкого края даже в недалеком прошлом были значительно больше облесены, чем теперь.

Мы привели только один пример того, насколько осторожно нужно подходить к выводам на основании только одних археологических находок. Распространение срубной и ямной культур, несомненно связанных с лесом, должно было быть ограничено на юге лесными и лесостепными районами или берегами речных долин, что хорошо иллюстрируется приводимой в разбираемой работе картой. Поэтому нельзя проводить границы распространения этих культур так, как это сделано в БСЭ (статья «Бронзовый век»), от Оки до побережья Каспийского моря. Кроме того, нельзя считать эти культуры «степными», как это делает автор рецензируемой книги.

Заканчивая разбор работы О. А. Кривцовой-Граковой, приходится пожалеть о том, что большинство археологов слишком мало уделяет внимания в своих работах ландшафтной обстановке, в которой жил человек эпохи неолита и палеолита, или подходит к этому формально. Между тем, именно это время является началом воздействия человека на окружающую его природу. Особенно важно проследить начало хозяйственной

деятельности человека в наиболее измененных сейчас лесостепных и степных районах. Сопоставление данных археологии с данными других дисциплин: географии, палеоботаники, геоботаники и почвоведения — дает очень много для того, чтобы понять обстановку, в которой жил и действовал человек эпохи бронзы и более поздних эпох. Удачным примером такого сопоставления можно считать некоторые главы из работы Дж.-Г. Кларка «Доисторическая Европа» (Издательство иностранной литературы, 1953 г.). Увязка археологических данных с общей характеристикой ландшафтов позволяет Кларку гораздо шире осветить деятельность и жизнь человека в неолите, чем это сделано в работе О. А. Кривцовой-Граковой на примере Приволжья и Причерноморья.

А. М. Семенова-Тян-Шанская

Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Сборник составил кандидат исторических наук Д. И. Гусев. Под редакцией доктора филологических наук В. М. Сидельникова, Кудымкар, 1956.

Литература по фольклору Урала обогатилась новым сборником. Во вступлении «От составителя» кратко охарактеризован материал сборника и круг вопросов изучения коми-пермяцкого фольклора. Затем идет «Сводный текст преданий». Он представляет собой литературную обработку полевых фольклорных записей, сделанных не только самим составителем (Д. И. Гусевым), но и участниками экспедиций, которые проводились в течение 1947—1953 гг. кафедрой этнографии Московского университета имени Ломоносова совместно с Коми-пермяцким окружным музеем. В следующем разделе опубликованы варианты предания, послужившие основой для составления сводного текста. Сборник заключает статья Д. И. Гусева «Коми-пермяцкие народные предания „Пере-богатырь“» (историко-этнографический очерк).

Собиратели и исследователи уральского фольклора не раз наблюдали «обмен» произведениями народно-поэтического творчества между русскими и башкирами, татарами, а также другими народами, населяющими территорию Урала и тесно соприкасающимися в быту и в производственной жизни. Например, Д. К. Зеленин, опубликовавший «Великорусские сказки Пермской губернии», подметил, что сказка на Урале — это явление в известном смысле междунациональное. Поэтому он счел необходимым включить в свой сборник и башкирские сказки, рассказанные на русском языке. «Без этого материала, — писал собиратель, — наши представления о русских сказках Пермской губернии были бы далеко не полными»¹.

Дореволюционные наблюдатели — фольклористы и этнографы — преимущественно указывали на то, что русский фольклор усваивался другими народами, населяющими нашу страну (Рогов, Кастрен, Аничков и др.). Значительно реже они отмечали обратные воздействия. Между тем иногда общность произведений народно-поэтического творчества на севере России, как мифологических представлений, была столь велика, что наблюдатели даже затруднялись определить, к творчеству какого из двух общающихся народов следует отнести ту или иную черту в мифе или в повести².

Фольклор коми-пермяков не оставался в стороне от интенсивного на Урале процесса обмена произведениями художественного творчества между разными народами; но и в отношении коми-пермяков исследователями говорилось только об усвоении ими произведений русского фольклора.

Новый сборник коми-пермяцкого фольклора дает для выяснения взаимовлияний в устном народном творчестве на Урале новые ценные материалы. Установлено, что коми-пермяцкие эпические предания о Пере-богатыре бытуют также и среди русского населения на довольно обширной территории Коми-Пермяцкого национального округа, Красновишерского района Молотовской области, Афанасьевского района Кировской области и Усть-Куломского района Коми АССР. Составитель сборника Д. И. Гусев подчеркивает «творческое взаимодействие русского и коми-пермяцкого фольклора» (стр. 7).

Публикуемые в сборнике предания записывались на русском языке даже в тех случаях, когда рассказчиками выступали коми-пермяки. Текстов на коми-пермяцком языке в сборнике нет. У читателя естественно возникает вопрос о том, бытуют ли предания о Пере-богатыре на коми-пермяцком языке? Если такие предания есть, то являются ли русские варианты, записанные от коми-пермяков, переводом произведений, известных на коми-пермяцком языке? Или же, быть может, различия речевой формы сопровождаются какими-то расхождениями в сюжетах, мотивах, поэтических средствах выражения? К сожалению, ответа на эти вопросы мы не находим. Однако публи-

¹ Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губернии, «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. 41, Игр., 1914, стр. 441.

² См. Н. Первухин, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Вятка, 1888, стр. 71.